

молчание
ГИППОКРАТА

*Антонина
Глушко*

Антонина Глушко

Молчание Гиппократа

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20689397
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

В семье Зимина Ильи Александровича, заслуженного хирурга городской больницы Владивостока, случается страшная трагедия. Неизвестные зверски избивают его жену, убивая при этом в ней ее еще не родившегося ребенка. Зав отделением отправляет хирурга прийти в себя от перенесенной трагедии на южный курорт. Зимин случайно знакомится там с пятилетним ребенком, оказавшимся брошенным. Он привязывается к мальчику, который становится для Ильи смыслом жизни. Борясь за него, он решает похитить ребенка и увезти его к себе во Владивосток. Но слишком много препятствий в осуществлении задуманного им. Это и мать маленького Вани, и ее родители, и следственные органы, и его собственная семья.

Антонина Глушко

Молчание Гиппократата

Гиппократ – древнегреческий врач. С его именем связано представление о высоком моральном облике и образце этического поведения врача.

«Клятва Гиппократата» стала основой обязательств, принимающих врачами во многих странах мира.
Энциклопедия

Зимин Илья Александрович, ведущий хирург городской больницы Владивостока с толпой пассажиров поднимался по трапу АЭРОБУСА А-330, он улетал в придуманную для него зав отделением столичную командировку. В салоне самолета отыскал свое кресло, удачно оказавшееся у окна; усевшись, сразу защелкнул карабин.

Спортивную сумку, с небогатым багажом затолкал себе под ноги.

По соседству с ним уселись мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, и пожилой мужчина, по всей вероятности его дед. Едва лайнер набрал высоту, как родственнички, откинувшись к спинкам кресел, закрыли глаза и затихли. Такое соседство устраивало Илью. Он не жаловал дорожных знакомств и ненужных контактов.

Зимин любил летать самолетами, в полете можно расслабиться, отрешиться от забот и профессиональных проблем, подумать о сокровенном, на что постоянно не хватало времени. Однако, авиапутешествия для Дальневосточных врачей случаются не такими уж частыми удовольствиями, как хотелось бы.

Мужчина болезненно поморщился – вместо приятных размышлений на него нахлынули воспоминания, о недавно произошедших трагических событиях в его семье.

Зимин, вымотанный до крайности, но довольный результатом проведенной операции вышел из хирургического блока, где в течение почти пяти часов не разгибаясь, «штопал» безнадежно уставшее сердце старого ветерана гвардии сержанта Аброськина Федора Кузьмича. Ему удалось таки «запустить» остановившийся «мотор» гвардейца, вживив, взамен изношенных и пришедших в негодность сосудов, новые.

Тут же, у двери операционной устало присел на диванчик, стянул с головы шапочку, и вытер ею вспотевшее лицо.

– Илья Александрович, вас приглашает Игорь Львович, – сказала появившаяся перед ним дежурная медсестра.

Зимин встал, упершись ладонями в спину, сделал несколько вращающих поворотов туловищем, покрутил головой, давая той принять вертикальное положение, и направился в сторону кабинета заведующего отделением.

– Садитесь, Илья Александрович. Сложный случай? – Зав отделением имел в виду только что закончившуюся операцию на сердце ветерана.

– Поживет еще, – устало проговорил хирург.

«Ну, как я ему скажу, что случилось с его женой, если он сам едва держится на ногах от усталости?» – мучился Игорь Львович.

Заведующий знал семейную проблему своего коллеги. Однажды тот под настроение поделился с ним: дескать, несмотря на солидный срок в супружестве, дети в их семье так не появились, и что сам он горит страстным желанием заиметь собственного ребенка.

Игорь Львович, имея взрослого сына, знал, что такое отцовство. Всем сердцем посочувствовал коллеге и не только: в этом ключе развил бурную деятельность. Возобновил старые связи в медицинских кругах, договорился где, когда и с кем без проволочек и бюрократизма супруги смогут пройти

обследование на предмет выявления причины бесплодия.

А что именно с этой проблемой столкнулись Зимины, сомневаться не приходилось. В браке супруги состоят уже более двенадцать лет.

Известно, бесплодие – это отсутствие беременности после двенадцати месяцев регулярной половой жизни без предохранения. Обследование никакой патологии у супруги не выявило. Женщина без проблем, может забеременеть. А вот с Зиминым произошла заминка.

Анализы спермограммы, гормонов крови, обследование на инфекцию и УЗИ показали у предполагаемого родителя мужское бесплодие. Отсюда печальный вывод: пара не может иметь ребенка «естественным путем». В беседе с мужчиной выяснилось, что тот в детстве переболел эпидемическим паротитом, в просторечье свинкой, с осложнением.

Специалисты посоветовали экстракорпоральное оплодотворение – ЭКО. Метод испытанный. Впервые он был успешно применен в 1978 году. Когда после ЭКО родился первый ребенок, это стало важнейшим событием того времени. Сегодня ЭКО относят к рутинным методам лечения бесплодия.

Тем более супруги Зимины не первой молодости. Муж на

период обследования имел тридцативосьмилетний возраст, супруга на два года моложе. Принимая во внимание вынесенный приговор специалистов, семейной парой был принят единственно правильный выбор в пользу ЭКО. Метод гарантировал получить желанную беременность и роды здорового ребенка.

Беременность наступила со второй попытки ЭКО. Сама беременность протекала нормально, без осложнений. Самочувствие будущей матери – отличное. Супруги с нетерпением ожидали рождения малыша. На шестом месяце УЗИ показало пол ребенка, это был мальчик.

И вот...

«Как при таком раскладе сообщать Илье Александровичу, что его жена попала в больницу, и что их, не родившийся сынок, которого они так ждали никогда не увидит своих родителей. Он погиб. Погиб в утробе матери. И неизвестно еще останется ли жива сама женщина», – такие рассуждения ставили в тупик сердобольного заведующего отделением. Ну не может он ударить коллегу трагическим известием.

И тут у него на столе зазвонил телефон.

– Хирургическое отделение, – привычно сказал в трубку

зав.

– Пригласите, пожалуйста, к телефону Илью Александровича, – послышался в трубке плачущий женский голос.

Зимин, повернулся в сторону иллюминатора, машинально провел по стеклу указательным пальцем, и невидяще уставился а казавшееся неподвижным крыло самолета над пенными облаками. В памяти вновь всплыли захлебывающиеся рыдания тещи в трубке, переданной ему заведующим отделением:

– Инночка в больнице, умирает.

Мама жены последнее время ночевала у них дома в его ночные дежурства, опасаясь оставлять дочку одну, так было и на тот раз.

По сути, его нынешняя командировка в Москву была придумана заботливым Игорем Львовичем. Зимин отлично понимал: зав хочет отвлечь его от семейной трагедии, дать возможность отдохнуть, развеяться. Для Ильи такая поездка, действительно была жизненно необходима.

– Из Москвы в нашу больницу поступает новое медицинское оборудование. Я не особенно доверяю отправителю, –

выдумывал collega. – Командируем вас для встречи с поставщиком. Проверьте комплектацию, документы. В общем, смотрите там, на месте, что и как. Кстати, из горздрава в нашу больницу, – плел небылицы заботливый руководитель, – пришла по разнарядке путевка в санаторий аж в Туапсе, что на берегу Черного моря. Мы тут посоветовались и решили, что вам нелишне будет в санатории отдохнуть, подправить здоровье. Тем более дорога туда и обратно оплачивается, как командировочная, а путевку выделили вам бесплатно. Так что оформляйте отпуск и в путь. Не забудьте взять в санатории корешок от путевки. Оплатим больничный.

Зимин понимал, и командировка, и бесплатная путевка в санаторий, все это выдумки заведующего. Тот просто жалел измученного и потерянного коллегу. Возражать заву и разоблачать его придумки Илья не стал, для этого у него не было ни сил, ни желания. Он был благодарен своему шефу за тактичное сочувствие.

Когда в милиции Зимину сказали, что хулиганы, именно «хулиганы», а не убийцы задержаны, он понял: с сомнительным заведением не стоит иметь дело, коль там душегубов называют обыкновенными хулиганами, вроде тех, кто таскает девчонок за косички.

Спустя некоторое время его вновь вызвали в отделение,

чтобы сообщить: «хулиганы» сбежали во время следственного эксперимента с места нападения на его жену. Как выяснилось потом, на бандитов даже не потрудились надеть наручники. А в это время его жена умирала в больнице от побоев, нанесенных ей «хулиганами». Ребенок умер еще раньше, в материнской утробе от тяжелых «хулиганских» ботинок.

Выйдя из милиции, Илья зачем-то содрал со стенда «Их разыскивает милиция» портреты «хулиганов», напечатанных туманно и расплывчато на принторе, сложил бумагу, и затолкал в карман. Он спустился по ступенькам, дав себе зарок: сюда больше ни норой, даже если будут очень сильно приглашать.

Отвернувшись от иллюминатора, Илья откинулся на спинку кресла, и закрыл глаза. И тут же тяжелые воспоминания о страшном событии накрыли его с головой. Жену обнаружила соседка, выведя пса на вечернюю прогулку. Пенсионерка увидела, как двое мужчин ногами избивают лежащего на земле человека. Женщина закричала. Бандиты рванули мимо нее. Однако она успела разглядеть одного из них, что в последствии помогло задержать негодаев. По мобильнику соседка вызвала милицию и «Скорую».

– Вашу жену хулиганы избили со зла, так сказали они на

допросе. Они разозлились, что у нее в сумочке не оказалось денег, а было всего лишь несколько рублей, – «утешили» несчастного мужа в милиции. – Они не знали, что она беременная. – Уже ни в какие ворота плели «заступники», отцу потерявшему не родившегося сына, и мужу избитой до полусмерти жены.

В тот вечер Инна возвращалась домой после выставки работ своих учеников в художественной галерее. К дому на собственной машине ее подвезли знакомые. Однако, к высотке пришлось добираться окружным путем.

Водопроводчики разрыв теплотрассу, начисто перекрыли жильцам дорогу к дому. Приходилось делать порядочный круг по темным закоулкам, чтобы попасть к подъезду. Здесь-то и поджидали убийцы свою жертву. Бандиты вырвали сумочку из рук женщины, но денег там действительно не оказалось.

Озверев, мерзавцы, сбили несчастную на землю, принялись с остервенением избивать ногами. И тут появилась соседка с собакой. А потом пришла большая беда...

В салоне появилась стюардесса со своей тележкой, предлагая напитки. Илья попросил минеральной воды. Взял лежавшую на коленях книгу, которую так ни разу и не открыл,

затолкал ее в спортивную сумку, стоявшую у ног. Развлекательным чтением не пришлось воспользоваться. Мысли о страшных событиях, произошедших с его женой, и убийством не родившегося сына, так и не покинули его.

Благодарный Игорю Львовичу за придуманную командировку, Илья сильно волновался, как воспримет Инна его поездку в Москву. О санатории решил вообще не заикаться, опасаясь вызвать у жены нежелательные эмоции. Могут последовать упреки, дескать, оставляет ее в одиночестве, не совсем окрепшую, и окончательно потерявшую надежду иметь ребенка. Об этом заявил врач, оперирующий ее, на вопрос, что будет с ней дальше.

– К горькому сожалению, ничего не могу сказать утешительного. С подобными травмами, вызвавшими внутреннее кровотечение, редко кто выживает. Благодарите Бога, что остались живой. О какой беременности может идти речь? – «утешил» женщину врач. То же самое, он сказал и Илье.

Неожиданно жена к предстоящей командировке мужа отнеслась довольно спокойно. Более того, заявила:

– Поезжай Илюша, не беспокойся за меня. Тебе надо передохнуть от нашего кошмара, отвлекься. Я решила с месяцко пожить у своих, на Океанской. Мама сильно пережи-

вает за меня. Говорит, зря ночевала у нас, не сберегла меня. Возьму холсты, кисти, краски и поработаю у родных. Там много натур. У меня все не хватало времени на поездку к тем местам.

Разумные слова жены воодушевили Илью. Тем более ее стремление снова взяться за кисти. Теперь он сможет со спокойной душой ехать в «отдыхающую» командировку. О путевке так и не признался, не хватило духу. «Ладно, побуду в санатории недельку-другую и назад», – успокаивал он свою нечистую совесть перед женой.

– Просьба застегнуть ремни, самолет идет на посадку, – услышал Илья и почувствовал, как лайнер начал снижаться.

* * *

Вера металась в растерянности. Что, значит, не везет, и как с ним бороться.

– Ну почему у меня все никак у людей? Что только не задумаешь сделать, как тут же обязательно появляется какая-нибудь препона, или, более того – неприятность.

Она бросила на кровать кофточку, только, что вынутую из шкафа и снятую с «плечиков», села за стол и пригорюни-

лась. Жизнь Веры Игнатьевны Крутяевой двадцатичетырех-летней вдовы здоровой, красивой, пышнотелой, с манерами мечтательно-ленивых движений, крупными белыми зубами, жемчугом поблескивающих между пухлыми, слегка капризными губами, и не утратившей способности краснеть лицом, складывалась, на ее взгляд не совсем гладко. И это с самых юных лет и не правильно, и неудачно. А винила она в этом только себя. Не слушалась строгих родительских наказов:

– Смотри, Верка, принесешь в подоле, на порог не являйся. Батька голову открутит. Ты его знаешь, – постоянно напоминала ей ее мудрая мать, о соблюдении девичьей чистоты и целомудрии.

Верка знала. Тот и за меньшее прогрешение с нее семь шкур спускал. Увидел как-то ее, обнимающуюся с Юркой-соседом, такого ремняки всыпал, что неделю больно было сидеть за партой. Да и обнял-то ее Юрка просто так. Через неделю малый должен загреметь в армию, вот и запасался впечатлениями на «гражданке» с деревенскими девчонками. Прижимая Верку, в ту пору десятиклассницу, к себе, допризывник шептал красивой девке:

– Ждать будешь? Вернусь – женюсь, – обещал малый, и лез целоваться.

Верку еще никто ни разу не целовал. Ей было весело, и она громко смеялась. Тут-то батя и услышал ее жизнерадостный смех, выйдя за угол по нужде. Навеселилась! Родитель, как был в исподнем, так и погнал дочку в хату, где и произошла экзекуция. Мать, было, кинулась на защиту, да куда там! Схлопотала такую оплеуху, что неделю ходила с синяком под глазом.

Окончив среднюю школу Верка, как все кинулась в город поступать в институт. Но видать такая уж у девчонки невезучая судьба, ей и здесь не незадалось. На первом же экзамене по химии с треском провалилась, полная стыдобушка. Преподаватель, принимавший у нее экзамен, сказал:

– С вашими знаниями предмета только в колхозе огурцы собирать, – хотя уже колхозов давно не было. А этот умник видать об этом не догадывался. Хоть этим порадовал девчонку.

Верка не послушалась мудрого совета ученого человека. Огурцы ей и в собственном огороде осточертели. Забрала документы из института, и бездумно побрела вдоль широкой улицы Ленина, славного города Брянска. Дел у нее никаких не было, зубрить учебники не надо. В высшее учебное заведение для нее путь закрыт, об этом ей сказал мудрый преподаватель, и она ему, хоть и горько признаться в этом, но

поверила.

Как не парадоксальна ситуация, как в таких случаях говорят умные люди, но Верка вдруг почувствовала необычайную легкость во всем своем пышном теле. Ее охватило радостное веселье, от освобождения ставшей ненужной зубрежки, и опостылевшего родительского надзора.

Внутри нее все пело и ликovalo. В ней расправляла крылья буйная молодая сила. Еще ни разу не было Верке так хорошо, как сейчас будучи независимой, и свободной.

Девчонка не имела представления, как будет жить дальше, но твердо уверена: в деревню, в родительский дом ни ногой. Знала – там, для нее приготовлены материнские упреки и отцовский ремень за провал в институте.

Праздно шатаясь по широкой городской улице, где девчонке буквально все нравилось: красивые витрины многочисленных магазинов, яркие рекламные щиты на домах, нарядные прохожие, Верка страшно завидовала всему этому великолепию. Здесь было все, чего душа не пожелает, не то, что у них в деревне.

На широком, во всю стену окне красивого здания, несостоявшаяся студентка усмотрела бумажку, прилепленную на

внутреннюю сторону стекла. Та гласила: в парикмахерскую «Артемида», приглашается ученица мастера. Подняв голову кверху, девушка обнаружила красивую надпись, подтверждавшую, что окно принадлежит этой самой «Артемиде».

«Дай-ка зайду, – мелькнула в мозгу шальная мысль. До этого Вере не приходилось проявлять инициативу по устройству собственной судьбы. Разве что сование в институт, мимо которого она благополучно пролетела, как фанера над Парижем.

А вдруг меня возьмут ученицей? Я ведь с детства любила крутить на голове кренделя из волос. У меня это неплохо получалось. Всем своим одноклассницам сделала на выпускной вечер прически. Те только ахали вместе со своими родителями», – рассуждала бывшая абитуриентка, стоя у красивого, высокого окна.

«Артемида» оказавшись мужской парикмахерской, стала началом жизненного Веркиного пути. Без проблем ее приняли на работу, оформили трудовую книжку, все чин чинарем, а парикмахерша Ада Лямина предложила новенькой свободную койку, в снимаемой ею комнате, где Верка и зажила настоящей, взрослой жизнью.

Девчонка оказалась хваткой и способной к парикмахер-

скому ремеслу. Спустя полгода была поставлена к креслу для самостоятельного обслуживания клиентов.

Новоиспеченная парикмахерша колдовала не над женскими лохмами, а над мужскими, короткими волосами. Но и здесь Вера показала себя заправским мастером.

Внешняя, роскошная привлекательность, ее красивая полнота «Данаи», высокий рост делали, как минимум ее, года на три старше. Отчего клиенты теперь чаще чем требовала того стрижка, появлялись в салоне с желанием усесться в кресло к привлекательной мастерице.

Это забавляло Веркиных товарок и хозяйку салона. Дескать, та, приманивая клиентов, увеличивает им прибыль. Хотя все понимали, что скорее не Веркин профессионализм заманивал мужиков в их салон, а ее соблазнительные до времени расцветшие роскошные телесные формы. Да и лицом не обижена.

С нею начали заигрывать. Девка только посмеивалась над комплиментами клиентов, не позволяя им лишнего, а если мужик становился слишком назойливым, умела поставить нахала на место.

Однако, когда очередной клиент, явно пытался ее оболстать мужской галантностью, о которой она отродясь не

слыхала, «Данаю» охватывало незнакомое ей доселе приятное томление. Конечно, она не была дуручкой, понимала, от чего такое происходит с нею, старалась всеми силами отгонять от себя желаемое, но запретное чувство. У нее еще не выветрились в мозгах наказы матери и отцовский ремень.

Однако зов рано созревшей плоти, отсутствие родительского надзора, свобода самостоятельной жизни, и молодой организм не устоял перед сладкими речами красивого клиента. Тот как бы невзначай нежно касаясь ее пальцев державшие ножницы, говорил, что она особенная, не такая как все. Что она красива, привлекательна. Ей нравились такие речи, она хотела быть не такой как все. И сладкоголосому клиенту удалось сбить с панталыку наивную дуручку.

Растаяла девчонка от соблазнительных речей очаровательного клиента, и тот стал ее первым любовником. Верка начала приводить молодого красавца к себе на квартиру, иногда оставлять на ночь. Потом оказалось, что красавчик женат, а ведь романтическая дуруха считала, коль мужчина побывал с нею в постели, то непременно должен на ней жениться.

Поняв, что жениться тот не собирается, начисто выбросила его из своей постели, как и из собственной головы.

Раскаяние и сожаление длились недолго. Молодой организм бунтовал и требовал своего, а сопротивляться бушующей плоти у Верки не хватало, ни силы воли, ни ума, да и желания отказывать себе в приятном, откровенно говоря, тоже не было. Сладкоголосый демон разбудил в ней женщину. Она уже не могла обходиться без мужчины.

«Не долго мучили печали» и на месте красавчика появился другой салонный клиент, потом следующий, и далее уже без тормозов. Наконец, до Веры дошло, что постель еще не повод заполучить мужчину в законные супруги, хотя как все девушки она тоже мечтала о замужестве.

Понимать-то понимала, однако уже не могла остановиться. Смирившись с тем, что замуж выйти за салонных «ухажеров» нереально, пустила свои постельные взаимоотношения с клиентами на самотек.

Однако сколько веревочке не виться, а финал один. Вера залетела. Естественно ни о каких предохраняющих средствах деревенская дуреха не имела представления. Более того, не имея представления о беременности, дотянула свое состояние до критического срока.

Верка начала замечать, что некоторые одежды на ней стали тесноваты. «Придется немного проследить за своим ве-

сом, – рассуждала дуреха. – Как бы я не нравилась мужчинам, а сбросить пару килограмм не помешает».

На ее состояние указала сожительница Ада:

– Ты, подруга, сходи-ка к гинекологу, что-то ты в профиль бугристо выглядишь.

– О чем это ты? – не поняла грешница.

– О том, что ты залетела.

– Чего ты плетешь? От чего это я залетела? Я что замужем, чтобы беременеть? – ни в какие тарелки заявила охотница острых ощущений.

– Значит, по-твоему, беременеют лишь замужние? Нет, Верка, я знала что ты дура, но не до такой же степени, – глядя на наивную простушку, сказала Ада.

В больнице ей заявили: аборт делать поздно. Большой срок беременности. При таких сроках разрешение на прерывание выносит лишь врач, если что-то угрожает жизни самой женщине.

Вера поняла, такую справку, естественно, ей никто не

даст. «Догулялась, – честила она себя на чем свет стоит, возвращаясь из консультации. – Дура, я дура. Считала, что беременеют лишь замужние женщины. А ведь мне мамка говорила о «подоле», а я, ее не послушала». И вот он результат, на лицо, вернее на животе, который после посещения, ею врача, стал расти не по дням, как ей казалось, а по часам.

В салоне Верке стало неудобно стоять у кресла. Ее живот упирался в него словно барабан. Однако любителей поухаживать за ней не убавлялось. Под балахонистым сарафаном не посвященному клиенту невдомек, что скрывает под ним пышнотелая красавица.

А когда уже скрывать стало невозможно, хозяйка перевела Веру прачкой, в крохотный уголок со стиральным автоматом. С этим переводом салон имеет двойную выгоду: сохраняет сотрудника и создает экономию, отказавшись от услуг городской прачечной. Вера стирала полотенца, салфетки, пеньюары, халаты и тут же их гладила.

Ни в какой декретный отпуск Вера, естественно, не пошла, так и работала до конца, пока не повалилась у гладильной доски, с криком:

– Умираю!

Не умерла. Родила здорового пацана, весом в три килограмма двести грамм, и ростом пятьдесят два сантиметра. Еще лежа на родильном столе, врачам заявила: от ребенка отказывается. Те тут же связались с ее работой. Прибежали хозяйка с Адой, и пригрозили кукушке всяческими карами, если та откажется от ребенка.

– На что я его буду содержать? – упрямылась шалаболка.

– Будешь работать на две ставки. Днем в салоне, по вечерам через день в прачечной. Пожелаешь, можешь взять полставки уборщицы. Работа не бей лежачего. Везде пластик и металлик. Кроме того, мы коллективом купим ребенку приданное, коляску, кроватку и все остальное, – заверили директорша с Адой.

– А куда я ребенка дену, когда выйду на работу? С собой, что ли буду таскать? – ныла гулена, напрочь отвергавшая только что родившееся дите.

– Няню наймешь, – сказала заведующая.

– А... – только разинула рот «мамаша», чтобы поставить очередную рогатку заботливым сослуживицам, чтобы те вошли в ее положение, и не настаивали забирать ненавистного ей выродка, но те не дали ей слова.

– Все, Верка, кончай базар, – сказала элегантно одетая хозяйка салона, на определенном сленге, знакомом ей с тех пор, как сама, вроде этой потаскушки мотала тряпкой в зачуханной парикмахерской на окраине города. А теперь вон она кто! Бизнес-леди!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.